

ПИСЬМО ИЗ ОДЕССЫ

Юрий ОЛЕША



Константин ФЕДИН и Юрий ОЛЕША в дни работы Первого съезда советских писателей. 1934 год.

Одесса!
Для меня — это родина. Хотя я и не родился в Одессе, но всю лирику, связанную со словом «родина», я отношу к этому городу.

Одесса. Это — море. Это — каштаны. Это — загородные дороги. Это — мечты. Это — память о Пушкине. Это — 1905 год. Это — броненосец «Потемкин».

Судьба Одессы замечательна. Город корсаров, город Воронцова, город, основанный эмигрантами Французской революции, стал городом первых восстаний российского пролетариата.

Я видел броненосец «Потемкин». «Потемкин!» Это слово реяло над городом. Мертвый матрос, который лежал в порту, притягивал к себе все напряженное внимание города. В тот год, когда я только учился читать и писать, когда я только начинал знакомиться со сказками, — имя матроса Вакулинчука, убитого офицером, вошло в мое сознание как непонятный, гудящий и торжественный образ.

Мертвый матрос лежал в порту. Я не видел его. Как он лежал? Что это значит — мертвый матрос лежит в порту? Кто его убил? За что? Какой офицер? Один из тех офицеров, которые прогуливались по бульвару, хрустя гравием, в белых кителях и сверкающих крестом кортиках на боку? За что его убили?

Детское сознание не могло разобрататься в этом. И только через много лет я увидел, как лежал мертвый матрос в порту. Тогда, когда пришло в Одессу искусство, чтобы вызвать из прошлого героические образы революции. Когда Одесса затрепетала на серебряных экранах кинематографа. Когда Эйзенштейн снял свой фильм «Броненосец «Потемкин».

Детские впечатления имеют немало значения для формирования судьбы художника. Гёте сделал остроумное замечание, что Петр I построил Петербург на каналах, потому что некогда в юности был поражен Голландией.

Поэтическое воображение в чрезвычайной степени зависит от тех впечатлений, которые художник получал в детстве. Мое детство протекало в Одессе. Приморские районы этого города были для меня первыми видениями мира. Я благодарен за это судьбе. Изгородь маленьких переулков, цветущие кустарники, деревянные лестнички, треугольные крыши, слуховые окна, старое дерево ступенек, не освобождающееся от черноты

Юрий Карлович Олеша однажды признался: «Я не иду по земле, а лечу над ней». Он был мечтателем и оптимистом и очень любил жизнь.

В творческом наследии Юрия Олеша осталось много незавершенного: неоконченные пьесы, прозаические наброски, варианты его последней книги «Ни дня без строчки», письма, дневниковые записи.

Мы печатаем сегодня одно из публицистических выступлений Ю. Олеша — «Письмо из Одессы». Оно было помещено в девятом номере журнала «30 дней» за 1935 год и не входило ни в одну из книг писателя.

дождя, — все это научило меня мечтать. Одесса была уже в путешествии! Колониальные лавки благоухали запахами, огромными, плывущими и загадочными, как корабли. В лавках этих продавали бананы, кокосовые орехи, чей вид говорил об обезьянах, и финики в длинных коробках, похожих на пестрые туфли Багдада.

Это все учило мечтать! В те годы казалось, что мир огромен и доступен. Я не сомневался в том, что в одну из ближайших весен, как только будет куплен велосипед, я отправлюсь в путешествие по Европе.

Цветущие розовыми свечками каштаны говорили о Франции. Тогда казалось, что только географические расстояния существуют между странами.

Это было перед войной, перед тем днем, когда гимназист Принцип выстрелил в эрцгерцога Фердинанда. Это настроение полноты жизни, юному сознанию эта жизнь казалась полной, — гениально передал в своей поэме «Последняя ночь» один из славнейших одеситов, покойный Эдуард Багрицкий.

Мы, юные поэты, мы не понимали, как страшен был мир, в котором мы жили. Этот мир не был объясненным миром. Это было до того, как произошло великое объяснение мира, к которому приложили руку также и одесские рабочие. Мы воспринимали их зрительно. Мы знали — это геновды. Рослые, широкоплечие, светлоусые люди в синих, застиранных добела куртках. Представление о рабочем связывалось с представлением о пшеничного цвета ухах новоросса. Так они назывались тогда...

Мир был необъясненным. Мы учили латынь и старались не получать двоек. Пахло акацией. Изумруд мая-

ка тяжело переворачивался в темноте. Мы были гимназистами, сидели на пахнущих лаком партах, не видя того, что мы сидим уже в касках, что за румяными щеками многих из нас уже проступают черепа, что уже летают мухи, которые будут роиться в наших мертвых глазах.

Так мир собственности обманывал нас. Мир собственности, который казался нам прекрасным, потому что мы воспринимали его только внешне, только как пейзаж. А сама собственность представлялась нам только каменным забором, ограждающим дачу богатого грека, известняковым забором, усыпанным разноцветными стеклышками, чтобы не лезли воры. Только воры казались нам врагами собственности. И когда прозвучали два выстрела с «Потемкина» — два выстрела, пригнувших мою детскую голову, — я не знал, что этот летящий гул — это и есть голос тех, кто восстает против собственности.

Последняя ночь перед войной была последней ночью старого мира.

Теперь я живу в объясненном мире. Я понимаю причины. Чувство огромной благодарности, которое можно выразить только в музыке, переполняет меня, когда я думаю о тех, кто погиб ради того, чтобы сделать мир объясненным, чтобы объяснить его и перестроить.

И в этом чувстве наиболее долгой нотой звучит имя Одессы, потому что первые жертвы революции я видел в Одессе.

Я уже не помню, в какую весну я стоял на Пушкинской улице и смотрел на похороны. Река гробов текла мимо меня. Из этих лодок, окрашенных в красное, свисали цветы, нищие цветы первых лет революции.

Прошли годы. И я стал писателем.

Темы, которые мне приходят в голову, не возникали бы, если б не протекла эта река гробов. Благодаря революции мир и жизнь и все понятие о жизни предстали перед нашими глазами в ином разрезе, творческая фантазия приобретает возможность такого огня, какой еще не вспыхивал доньше.

Я приезжаю теперь в Одессу и нахожу старые краски, краски нашей юности, и, воспринимая их, я чувствую, что мое сознание получило новую силу, потому что теперь я понимаю, чем мир страшен и чем он прекрасен.

Он прекрасен своими цветами, облаками, дорогами, формами, прекрасен тем, что человек знает, что мир прекрасен. Страшен мир тем, что в нем есть угнетатели и угнетенные.

Я хожу по Одессе, по Театральному переулку, где платан осеняет чугунную лестницу, и думаю: да, мир будет велик и доступен! Да! Только географические границы будут между странами. Да, путешествие по Европе будет легко достижимым делом для каждого велосипедиста!

Я вижу: летит велосипедист по бульвару Фельдмана. На руле — букет сирени. Юный велосипедист с голыми ногами. Майка ходит на лопатках. Юноша нового поколения. Он живет в объясненном мире. Я еще видел царя! В этой самой Одессе, в июньский день, мы стояли шеренгой — маленькие гимназисты, в больших фуражках, которые казались поставленными на наши головы. Царь ехал в автомобиле. Ехали голубые глаза царя и ладонь в белой перчатке. Каким далеким кажется это прошлое! К каким давним временам относится это видение! А ведь всего семнадцать лет прошло! Семнадцать лет! Ведь это возраст юноши. Только один юноша стоит между сегодняшним днем и той эпохой. Только один юноша!

Это он пронесится мимо меня на велосипеде по бульвару Фельдмана. Это он идет в клуб моряков. Это он сидит с книжкой на подоконнике. Это он поджидает кого-то под платаном. Это он работает, учится, вычисляет, строит, летает, смотрит в микроскоп, стирает пот со лба, улыбается, спит, вскакивает, защищаясь ладонью, смотрит на солнце.

Это он протягивает мне руку. И мы идем вместе. Мы идем вместе по городу, где жил Пушкин и где лежал мертвый матрос Вакулинчук.

ОДЕССА. 1935 г.